

УДК 80
Грунина Л. П.

ХАРАКТЕР ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ БИНОМА «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

«...И во всем была смерть, смерть, смешанная
с вечной, милой и бесцельной жизнью!»

(Жизнь Арсеньева)

Аннотация

Художественный мир произведений признанных авторов всегда представляет ценность и как индивидуальная концепция мировидения с особым стиливым воплощением, и как отражение национального языкового опыта. В статье анализируется индивидуально авторская картина мира, представленная одними из ключевых концептов художественного наследия И.А. Бунина. Концепты «жизнь» и «смерть», которые подвергались в литературоведении и лингвистике изучению, в статье рассматриваются как бином, представляющий неразрывно связанные противоположные (контрарные) понятия в индивидуально авторском их осмыслении. Поэтому предметом анализа в статье явился базовый смысл художественного бинома и особенности его экспликации.

Основное внимание было посвящено характеру вербализации повторяющихся мотивов бинома, что позволило

определить ключевую межтекстовую парадигму, репрезентирующую смысловой объём бинома, а также сделать вывод о его базовой смысловой модели, которую можно выразить конструкцией «Чем..., тем...».

Методы анализа материала. В работе использовались базовые для анализа художественного материала методы – наблюдение, контекстуальный анализ, моделирование, а также элементы концептуального анализа.

Ключевые слова: индивидуально авторская картина мира, И.А. Бунин, стилистика текста, художественный концепт, лексическая экспликация, мотив, тематическая группа, эмоционально-смысловой комплекс, текстовые категории, оксюморон.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Грунина Л. П. Характер лексической экспликации бинома «жизнь-смерть» в творчестве И. А. Бунина // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. Т. 6 № 1. С. 25–29

Статья поступила в редакцию 20.11.24

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Grunina L. P.

THE NATURE OF LEXICAL EXPLICATION OF THE BINOME «LIFE – DEATH» IN THE WORKS OF I. A. BUNIN

Abstract

The artistic world of works by recognized authors is always valuable both as an individual concept of worldview with a special stylistic embodiment, and as a reflection of national linguistic experience. The article analyzes the individual author's picture of the world, presented by some of the key concepts of the artistic heritage of I.A. Bunin. The concepts of "life" and "death" in the article are considered as a binomial, representing inextricably linked opposite (contrary) concepts in the individual author's understanding.

The main attention was paid to the nature of verbalization of recurring motifs of the binomial, which allowed us to draw a conclusion about its basic semantic model, which can be expressed by the construction "The more ..., the ...".

Keywords: individual author's picture of the world, I.A. Bunin, concept, lexical explication, motif, thematic group, stylistics of text, emotional-semantic complex, test categories, oxymoron.

Conflict of Interest: none declared.

Funding: there was no funding for this project.

For citation: Grunina L.P. The nature of lexical explication of the binome «life – death» in the works of I. A. Bunin // Humanities and Social Sciences Bulletin. 2025. Vol. 6 No. 1. P. 25–29

Введение

Концепция жизни И. А. Бунина, постоянно обновляясь новыми бытийными оттенками и смыслами, прошла сложный путь своего развития, прежде чем по мере становления художественной системы писателя не нашла емкое содержательное отражение в творческом его наследии. Уместно привести несколько точек зрения, принадлежащих разным исследователям, которые отмечают семантическую многогранность концепта «жизнь» в творчестве знаменитого писателя.

«Вся человеческая жизнь, по Бунину, – отмечает Т. А. Никонова, – есть процесс познания, где инструментом познания является человек, ... постижение смысла человеческой жизни совершается спонтанно, доступно только чувственной стороне человеческого существа» [11, с. 611].

Рассматривая творчество И. А. Бунина в контексте христианской религиозной культуры, Г. П. Климова отмечает, что жизнь, согласно бунинскому миропониманию, расценивается «как благо, ибо дана Богом», а смысл человеческого пребывания на земле как исполнение божьего промысла, созидание себя и мира. Хотя, как утверждает исследовательница, имени Бога в контексте рассказов И. А. Бунина «можем и не найти, но его поиск утверждает истины добра, приводит к нему» [9, с. 6-7].

О. В. Сливицкая рассматривает феномен полярности бунинской концепции как неразрывное единство противоречивых начал – жизни и смерти, – так как «взаимодействие противоположностей конструирует все содержание вечно пульсирующей бунинской вселенной». Определяя смерть как проявление разумного хода бытия и ощущая свою смертность на фоне бессмертности природы, герои бунинских рассказов страшатся ее как абсолютного конца всего сущего и в то же время ощущают ее спасительную силу, проявляющуюся в обострении чувства жизни, потому «как ни сближаются, ни смешиваются, ни переплетаются противоположности, они не сливаются, чтобы погасить взаимную энергию... они заражают ею друг друга» [15, с. 459–460].

Наиболее показательным в отношении демонстрации концепции жизни, авторского мировидения является феноменологический роман «Жизнь Арсеньева», содержащий размышления о жизни и смерти, любви и ненависти, кратковременности земной человеческой жизни, вечности мира и всей Вселенной. Лексема «жизнь», находясь в сильной текстовой позиции (названии произведения), позволяет сказать, что роман представляет собой своеобразный итог творческого пути писателя «как по своду его мыслей, идей, чувств, впечатлений от действительности, так и по своим художественным качествам» [3, с. 371], поэтому рассматривается многими исследователями как автобиографический роман, хотя сам И. А. Бунин это отрицал.

М. А. Алданов в своей критической заметке, называя роман «Жизнь Арсеньева» результатом жизненного опыта автора, так формулирует основную идеологическую

линию произведения: «...люби жизнь, – она все-таки того стоит, – относись к ней просто, как относились к ней предки, и не старайся облагодетельствовать человечество...» [Алданов М. А., 2001, с. 408].

Объектом анализа в работе явилась лексическая экспликация бинома «жизнь – смерть», представляющего базовые художественные концепты индивидуально авторской картины мира И. А. Бунина. Предмет анализа – базовый смысл художественного бинома и особенности его экспликации.

Материалом исследования явились рассказы И. А. Бунина («Сосны», «Часовня», «Преображение», «Алексей Алексеевич», «Скарабей») и его роман «Жизнь Арсеньева», где бунинская концепция жизни и смерти предстаёт как неразрывное единство противоречивых сущностей бытия.

Методы анализа материала. В работе использовались базовые для анализа художественного материала методы – наблюдение, контекстуальный анализ, моделирование, а также элементы концептуального анализа.

Обсуждение

В русской языковой картине мире концепт «жизнь», как отмечают многие исследователи, занимает первое место среди лингвокультурных концептов, что можно объяснить его экзистенциальной значимостью как для нации в целом, так и для каждого конкретного человека.

Этимологический анализ лексемы-репрезентанта, с целью восстановить первоначальное значение слова, а также проследить последующее развитие, даётся в исследовании О. А. Ипановой. Лексема жизнь образовалась от древнерусского глагола *жити* с помощью суффикса -ЗН-Ь. В древнерусском языке слово «жизнь» имело два значения «жизнь, оживление» и «имущество», последнее значение сохранилось в современном слове *пожитки*. Глагол *жити* означал «существовать, пастись, кормиться, обитать». Значение «пастись» сохранилось в современном диалектном слове *пажить* (луг, пастбище). Значение «обитать» актуализируется в таких словах, как *жить, прожить, жилье* и т.д. Древнерусский глагол *жити* восходит к праславянскому *ziti, которое имеет индоевропейский корень *gei/*goi/*gi «жить», который в свою очередь восходит к древнеиндийскому «двор, дом», греческому βίος «жизнь» и латинскому vivus «живой» [8, с. 150-151].

Таким образом, с момента своего появления лексема «жизнь» уже являлась многозначной, поэтому весь комплекс сохранившихся в ее основе значений и составляет понятийное ядро одноименного концепта, который приобретает в индивидуально авторской картине мира всегда свое осмысление.

Антонимическая пара, образуемая биномом **жизнь – смерть**, отражает всю специфику бунинского восприятия жизни. Сопряжение двух, казалось бы, абсолютно противоречивых и взаимоисключающих категорий (жизни и

смерти) как в жизни героев, так и в характере текстового воплощения – характерная черта идиостиля писателя.

Центральные темы художественного мира И. А. Бунина – это темы смерти, жизни, любви, памяти. Поиск смысла человеческой жизни, но при этом ясное ощущение недоступного нашему пониманию высшего смысла человеческого бытия постоянно сопровождается усилиями писателя разгадать этот смысл [5], познать «таинство» смерти, постичь «непостижимую противоположность» тому, что мы называем жизнью. Это стало главными мотивами бунинского художественного мира.

«И где он теперь и где будет до скончания веков? И неужели это правда, что он уже встретился где-то там со всеми нашими давным-давно умершими, сказочными бабушками и дедушками, и кто он такой теперь?» (Жизнь Арсеньева)

Контрастность миропорядка и есть, по И. А. Бунину, суть бытия. Антиномия позволяет узреть и постигнуть всю прелесть и красоту жизни, оттенить ценностно-значимые её грани, а также осознать тщетность и бесцельность человеческого существования.

Бином представляет ведущие значения в смысловой структуре его единиц: *жизнь* – это «существование человека на земле от рождения до смерти (его смысловой оттенок «полнота проявления чувств, переживаний, духовных и физических сил»), *смерть* – «прекращение существования человека, кончина», но семантические линии данных лексем значительно осложняются в контексте творчества писателя. Познать разумом феномен смерти невозможно, потому как с её приходом человека больше нет, однако, чем сильнее чувство смерти, как своей, так и чужой, тем острее у И.А. Бунина чувство собственной жизни.

Рассмотрим некоторые повторяющиеся мотивы, связанные с биномом «жизнь – смерть». Прежде всего, нельзя не обратить внимание на то, что «лик смерти» довольно часто становится предметом изображения, начиная уже с ранних его рассказов [4]:

«После обеда все ходят смотреть Митрофана... О, какой важный и серьезный стал Митрофан! *Голова маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой нос обрезался; большая грудь, приподнятая последним вздохом, точно закаменела*, а ниже её, в глубокой впадине живота, лежат большие восковые руки...» (Сосны).

Описание последних минут жизни господина из Сан-Франциско подчёркнуто физиологично: «Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха – и дико захрипел, нижняя *челюсть его отпала*, осветив весь рот *золотом пломб*, голова *завалилась на плечо и замоталась*, грудь рубашки *выпяtilась коробом* – и все тело, *извиваясь*, задирая ковёр каблуками, *поползло* на пол, отчаянно борясь с кем-то... Он настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так неожиданно и грубо навалившейся на него. Он *мотал головой, хрипел, как зарезанный, закатил глаза, как пьяный*...» (Господин из Сан-Франциско).

Вот ещё описание умершего: «Она лежит в холодной половине – уже в гробу, снеговая, белая, глубоко уйдя в свой гробный мир, *уткнув в грудь приподнятую соломенной подушкой голову*, и подаёт *тень от чернеющих, выделившихся на белом лице ресниц*» («Преображение»).

«Он лежал с закрытыми глазами, – до сих пор вижу их *лиловато-смуглую* выпуклость, – но пока совсем как живой, с великолепно расчесанными, еще мокрыми смольными волосами и такой же бородой, в новом сюртуке, в крахмальной рубашке, с хорошо завязанным черным галстуком, по пояс прикрытый простыней, под которой обозначались его *прямо стоящие связанные ступни*» (Жизнь Арсеньева).

Писатель словно пытается познать «диво», «нечто непонятное», каким для него является образ умершего человека.

Бунина в большей степени интересует восприятие смерти самым умирающим человеком, «мнение» (мотив многих бунинских рассказов). «Что он чувствовал? Что он думал, сидя в этом роковом кресле?» (Алексей Алексеевич). Эти же вопросы звучат в рассказе «Господин из Сан-Франциско»: «Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер?», однако он «только очень хотел есть», у него не было времени «для чувств и размышлений».

Мотив «неожиданности» и «нелепости» всегда присутствует, когда писатель обращается к этой теме: «*Нелепая* неправдоподобная весть: Алексей Алексеевич умер! Всего *нелепее* то, до чего *неожиданно* умер он» – в первой фразе сообщает бунинский рассказчик в рассказе «Алексей Алексеевич».

Также неожиданность смерти пытается осознать лирический герой романа «Жизнь Арсеньева»: «Брат курил и *рассеянно* посматривал на те самые кавказские туфли Писарева, в которых я видел его, во всей его бодрой цыганской красоте, две недели тому назад, и которые мирно стояли теперь под письменным столом. Я тоже взглянул на них: *да, его уже нет, а вот туфли все стоят и могут простоять еще хоть сто лет!*»

«Один из самых ёмких и удивительных в своей философско-лирической основе рассказов, имеющих богатые духовные коннотации обозначенной темы, является рассказ «Преображение» (1921 год)» [5, с.77]. Обратим внимание на часть анализа, представленного в нашей работе. Прагматически рассказ членится на три части. Центральной и в смысловом отношении, и композиционно является вторая часть, где повествуется о том, как молодой крестьянин проводит ночь за чтением Псалтири у гроба умершей матери. Совершается «таинство», «трудно передаваемое», о чем он после пережитого охотно рассказывает «достойному человеку». Особого внимания заслуживает лексема «преображение», вынесенная в заглавие, которая попадает в «двойной» контекст: в контексте рокового и неправдываемого таинства преобразиться – 'преставиться, скончаться, умереть, изменить плотский образ на духовный'

(В. И. Даль), в контексте же того, что приоткрылось главному герою преобразиться – ‘принять другой вид, образ, совершенно измениться’ (МАС). Соприкоснувшись со смертью, Гаврило получил власть над жизнью, он перестал бояться жизни, равно как и смерти. Контрастность семантики словесных средств, актуализирующих главные смысловые «точки», выступает в неразрывном единстве, приоткрывая мировоззренческую основу бунинских контрастов, которые проявляют полярность мироощущения: трагическое ощущение быстротечности жизни (**бренность мира живых**), неминуемости потерь (**помер старик, отошла и она – роковое, непоправимое**), страха и ужаса перед смертью и счастья бытия, ощущения меняющейся жизни в своей естественной, спокойной красоте [5].

Тот же мотив преображения (в значении «принять другой вид») звучит и в романе: «Мир стал как будто еще **молже, свободнее, шире и прекраснее** после того, как кто-то навеки ушел из него...» (Жизнь Арсеньева)

Небольшой рассказ «Часовня» в последние годы привлекает внимание исследователей [2, 6, 7] с точки зрения приёмов выразительности [2], на материале этого рассказа Сергеевой Е.В. [13] изучалась категория интерпретируемости художественного текста, в связи с подростковым возрастом рассказ рассматривается в экзистенциальном ракурсе [11].

Рассматривая лексический уровень рассказа «Часовня», где, на наш, взгляд, наиболее полно отразилась проблема противопоставленности жизни и смерти, можно выделить нескольких текстовых лексико-тематических групп:

ТЛТГ “тепловые признаки” образуют следующие лексемы и словосочетания: жаркий день, жарко, жарче, печет солнце, теплый ветер / холодно дует, холодно, в холодных железных ящиках;

ТЛТГ: “световые характеристики” – светло, солнце / темно, в темноте, как ночью;

ТЛТГ: “пространство” – везде, у нас, тут / там;

ТЛТГ: “возраст” – дети / бабушки, дедушки, дядя;

ТЛТГ: “положение тела” – сидеть, на корточках / лежать;

ТЛТГ: “активность / пассивность” – играть, бегать / лежать;

ТЛТГ: “место” – поле / часовня, железные ящики.

Каждая лексико-тематическая группа организована по принципу антитезы, что отражается на всех уровнях организации текста – на композиционном уровне и на ведущих текстовых категориях (время, пространство). В тексте присутствует лексема «удивительно», которая проявляет значение «нечто непонятное». Для детского разума удивительно: «у нас тут солнце», свет, а там ночь и темнота, «мы можем бегать» – «они всегда лежат».

Финал рассказа возвещает о торжестве человеческой жизни над смертью, однако ее присутствие ощущается во всем и чем светлее светит солнце, «*тем сильнее дует из тьмы*», принося людям, с одной стороны, незабываемое чувство собственной смертности на фоне бессмерт-

ной природы, с другой, страстное непостижимое упоение этой земной и продолжающейся из поколения в поколение жизнью. «И **чем** жарче и радостней печет солнце, **тем** холоднее дует из тьмы, из окна».

В структуре индивидуально-смыслового наполнения художественного бинама как при описании жизни используются автором цветовые, световые и тепловые характеристик, так и при описании темы смерти. При этом характеристика живых существ связана с семантикой и тех и других. Смерть ассоциируется у И. А. Бунина как нечто противоположное жизни, и выражается вся ее сущность посредством лексем с семантикой холода, льда и мертвенно-темными цветовыми оттенками: «...*как потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба... в противоположность тому живому, весеннему, теплomu, чем так сладко и просто веяло в решетчатые окна церкви...*» (Жизнь Арсеньева).

Жизнь и смерть у И.А. Бунина не противопоставлены, а, напротив, образуют «...оксюморон, построенный на соединении противоположных признаков одного и того же явления, *что и* раскрывает авторское восприятие бытия как неразрывного единства противоречивых начал» [12, с. 23]. Например: «...*пели зяблики, желтела...акация, умилял... запах зелени... И во всем была смерть, смерть, смешанная с вечной, милой и бесцельной жизнью!*» (Жизнь Арсеньева).

Принцип оксюморонного сопряжения, заострения, можно наблюдать практически всегда, когда возникают разные мотивы, связанные со смертью:

– «Случилось нечто **страшное и дивное, чудесное, невыразимо чарующее, сплошной восторг**» (Преображение)

– «Длинный **земляной бугор могилы**, пересыпанный снегом, лежал на скате у моих ног. Он казался то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным – думающим и чувствующим» (Сосны)

– «...в огромном **бархатно-фиолетовом** ящике с **мерзкими** серебряными лапками лежит нечто священное...» (Жизнь Арсеньева)

– «... и это нынче, вот сейчас, произойдет с ним то последнее, **церковное**, с чем он *ни в малейшей мере не имел ничего общего при жизни*, то самое дивное в мире...» (Жизнь Арсеньева)

Анализ позволяет отметить несколько межтекстовых лексических парадигм с повторяющимися лексемами: **дивное** – **удивительное** – **чудо** – **чудесное** (где актуализируется сема «всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы», «непонятное», «непостижимое» – Даль); **нечто** – **нечто священное** – **ужасное** – **существо** – **непристойное** (при обозначении покойного), данный лексический ряд актуализирует смысл «неужный, непригодный, бесполезный» (Даль).

Страх и ужас человека перед «мировым событием», которое оказалось совсем рядом, – ведущие мотивы рассказа «Алексей Алексеич», где центральным событием явля-

ется смерть главного героя, о которой мы узнаем сразу в экспозиции произведения, что и становится завязкой сюжетного хода.

В этом рассказе возникает мотив отношения окружающих к «мировому событию» – мотив быстрого забвения: «Даже и на похоронах-то будут думать только об одном: как бы покурить поскорей!» (Алексей Алексеевич). Этот мотив повторится и в других произведениях. Так, в романе лирический герой, наблюдая первый день «рокового события», отмечает: «...как попало шла наша беспорядочная жизнь, нетерпеливо ждущая роковой развязки этого беспорядка» (Жизнь Арсеньева).

Бунин открыто пишет о том, что его волнует, он всё время сосредоточен на эмоциональном состоянии героя, который «жадно» и «трепетно» наблюдает вынос тела покойного. «Мне опять показалось тогда, что в этом огромном бархатно-фиолетовом ящике с мерзкими серебряными лапками лежит нечто священное, но вместе с тем и непристойно-земное, непотребное» (Жизнь Арсеньева). Продолжая наблюдать, герой отмечает следующее: «...вот сейчас всунут в его тугие пальцы с почерневшими ногтями «отпуск», польют его «елеем», крестообразно посыплют «перстью», покроют кисеей и крышкой, вынесут и закопают, и уйдут, и забудут...»

Есть ключевое суждение в рассказе «Сосны», оно как

раз и приближает к пониманию предельно пристального внимания автора ко всем оттенкам и краскам жизни с её неотъемлемой частью – смертью: «Длинный земляной бугор могилы, пересыпанный снегом, лежал на скате у моих ног. Он казался то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным – думающим и чувствующим. И, глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один бог, – тайну **ненужности** и в то же время **значительности** всего земного».

Выводы

В репрезентации художественного бинома «жизнь-смерть» лежит принцип антонимического описания всех основных мотивов, представляющих смысловой объём бинома. Межтекстовые лексические парадигмы подчёркивают повторяемость мотивов и образов, связанных с опорными лексемами бинома. Смерть неотступно сопровождает жизнь, но она враждебна жизни: «... **чем...** радостней печет солнце, **тем** холоднее дует из тьмы...».

Решающий пункт бунинского мировоззрения – противоречивость созерцающего сознания: изображая огромный и сложный в своей основе мир, размышляя о самых сложных темах, писатель не может быть однолинейным и однозначным.

Источники и литература / Sources and references

- Алданов М. А. <Рец. на книгу:> И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Часть I. Истоки дней // И. Бунин. Pro et contra. Антология / под. ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2001. С. 405–408.
- Бурцев В. А. Выразительные особенности рассказа И. А. Бунина «Часовня» // Philologos. 2021. № 2 (49). С. 11–16. DOI 10.24888/2079-2638-2021-49-2-11-16
- Волков А. В. Проза Ивана Бунина. М., 1969. 448с.
- Грунина Л. П. Мотив смерти в бунинской картине мира // Наука и современность : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., 27 июня 2014. Уфа, 2014. С. 106–109.
- Грунина Л. П. Семантический объём мотива смерти в прозе И. Бунина // Парадигматика в языке и речи. Вып. № 2. Кемерово, 2003. С. 74–78.
- Гусакова О. А. Автор в миниатюре «Часовня» (1944) И. А. Бунина // Страховские Чтения. 2018. Вып. 26. С. 66–70.
- Закружная З. С. Человек на границе: поэтика контраста в рассказах И. А. Бунина «Над городом» и «Часовня» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 162–170.
- Ипанова О. А. Жизнь // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 2. Волгоград, 2005. С. 146–166.
- Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. Наук / Климова Галина Павловна. М., 1993. 52с.
- Кулумбетова А. Е., Хакимова М. У. Экзистенциальное восприятие жизни и смерти в «Часовне» И. А. Бунина // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2017. 1 (40). С. 116–119.
- Никонова Т. А. О смысле человеческого существования в творчестве И. Бунина // Бунин. Pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 599–612.
- Поцепня Д. М., Лее-Йуех Лиан О контрастах в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина // Словоупотребление и стиль писателя: меж. сб. Вып. II. СПб., 2003. С. 22–35.
- Сергеева Е. В. Категория интерпретируемости художественного текста и проблема «многослойности» толкования прозаического произведения (на материале рассказов И. А. Бунина «Книга» и «Часовня») // Вестник САФУ. Лингвистика. 2021. Т. 21, № 4. С. 63–71.
- Сидегова А. Г. Метафорический «пейзаж души» русского человека и России в творчестве И. А. Бунина // Парадигматика в языке и речи. Вып. I. Кемерово, 2001. С. 72–76.
- Сливицкая О. В. Основы эстетики Бунина // И. Бунин. Pro et contra. Антология / сост. Б. В. Аверина, М. Н. Финикера, К. В. Степанова. СПб., 2001. С. 456–478.
- Сливицкая О. В. Чувство смерти в мире Бунина // Русская литература. 2002. № 1. С. 64–78.

Информация об авторе:

Грунина Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
E-mail: lpgrunina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5643-7557

Author:

Grunina Lyudmila Petrovna, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Cross-Cultural Communication, Kemerovo State Medical University.
E-mail: lpgrunina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5643-7557